

§ III. Губительные и неотвратимые последствия налога (прожиточные, законы против роскоши, страховка сельскохозяйственная и промышленная, патенты на изобретения, торговые марки и т. д.)

В июле 1843 г. г-н Шевалье задавался по теме налога следующими вопросами:

- «1) Требуем ли мы (оплаты налога) от всех или предпочтительно от одной части нации?
- 2) Налог выглядит как подушный, или он в точности пропорционален состоянию налогоплательщиков?
- 3) Сельское хозяйство обременено более или менее, чем производящая промышленность или торговля?
- 4) Собственность на землю облагается в более щадящем режиме, чем движимая собственность?
- 5) Тот, кто производит, находится в более выгодном положении, чем тот, кто потребляет?
- 6) Имеют ли наши налоговые законы характер законов против роскоши?».

На эти различные вопросы г-н Шевалье дает ответ, который я перескажу, и который

обобщает все, с чем наиболее философским по теме мне пришлось столкнуться:

- «а) Налог универсален, направлен на массу, охватывает нацию в целом; однако поскольку бедняков больше всего, их охотнее облагают налогом в уверенности, что соберут больше.
- б) По природе вещей налог иногда влияет на форму оплаты, о чем свидетельствует соляной налог.
- с, d, e) Налоговик обращается к труду настолько же, насколько к потреблению, потому что во Франции все работают: к землевладению больше, чем к движимому имуществу, и к сельскому хозяйству больше, чем к промышленности.
- ф) По той же причине особенности наших законов менее характерны для законов, направленных против роскоши».

Как! профессор, это все, что вам сказала наука! — *Налог направлен на массу*, говорите вы; *он охватывает нацию в целом*. Ох! мы знаем это слишком хорошо; но это то, что несправедливо и то, что мы просим вас объяснить. Правительство, когда оно занималось налоговой базой и распределением налога, не могло верить и не поверило, что все состояния равны; следовательно, оно не могло желать, оно не желало, чтобы существовали коэффициенты взносов. Почему тогда практика правительства всегда противоположна его теории? Ваше мнение, пожалуйста, по этому сложному делу! Объясните, оправдайте или осудите налогового инспектора; примите сторону, которую хотите, если примете только одну сторону, и скажите что-нибудь. Помните, что вас читают люди, и что они не могут передать доктору, говорящему *ex cathedra* (с кафедры), подобные предложения: *Бедняки самые многочисленные; поэтому их охотнее облагают налогом в уверенности, что соберут больше*. Нет, месье: не число регулирует налог; налог прекрасно знает, что миллионы бедняков, добавленные к миллионам бедняков, не формируют избирателя. Вы делаете налогового одиозным и абсурдным, а я утверждаю, что он ни такой, ни этакий. Бедный платит больше, чем богатый, потому что Провидение, для которого нищета является одиозной, как порок, устроило вещи таким образом, что нищий всегда должен подвергаться наибольшему давлению. Налоговое неравенство — это небесное зло, которое гонит нас к равенству. Боже! Если бы профессор политической экономии, который когда-то был апостолом, мог понять это откровение!

По природе вещей, говорит г-н Шевалье, налог иногда влияет на форму оплаты. Хорошо! в каком случае справедливо, что налог влияет на форму оплаты? всегда или никогда? Каков принцип налога? Какова цель? Говорите, отвечайте.

И какой урок, прошу вас (ответить), мы можем извлечь из этого замечания, которое столь мало достойно того, чтобы его воспринимали, что *налоговик обращается к труду настолько же, насколько к потреблению, потому что во Франции все работают: к землевладению больше, чем к движимому имуществу, и к сельскому хозяйству больше, чем к промышленности?* Какое значение имеет для науки эта бесконечная констатация необработанных фактов, если из вашего анализа не вытекает ни одна идея?

Все сборы, такие как налог, рента, проценты с капитала и т. д., действуют на потребление, входят в счет накладных расходов и являются частью цены продажи; так что всегда, в значительной степени, налог платит потребитель: мы знаем это. И как товары, которые потребляются больше, также являются теми, от которых больше возврат, обязательно

происходит так, что самые бедные бывают наиболее обремененными: это следствие, как и первое, неизбежно. Что нам дают, еще раз, ваши налоговые различия? Какой бы ни была классификация облагаемой материи, поскольку невозможно оценить капитал за пределами дохода, капиталист всегда будет в выигрыше, а пролетариат будет страдать от беззакония, притеснения. Это не распределение налогов плохое, а распределение благ. Г-н Шевалье не может игнорировать это: почему тогда г-н Шевалье, чья речь имела бы больше авторитета, чем речь писателя, подозреваемого в неприязни к порядку вещей, не говорит это?

С 1806 по 1811 год (это наблюдение, а также следующее, принадлежит г-ну Шевалье) ежегодное потребление вина в Париже составляло 160 литров на человека: сегодня оно составляет всего 95. Удалите налог от 30 до 35 сантимов за литр у розничного продавца; и потребление вина скоро вырастет с 95 литров до 200; и винодельческая отрасль, которая не знает, что делать со своей продукцией, получит выход. — Благодаря пошлинам на импорт крупного рогатого скота потребление мяса сократилось для народа в пропорции, аналогичной вину; и экономисты с испугом признали, что производительность труда французского рабочего меньше, чем английского рабочего, потому что его меньше кормили.

Из-за симпатии к рабочим классам г-н Шевалье хотел бы, чтобы наши производители чувствовали бы немного влияния иностранной конкуренции. Снижение пошлины на шерсть на 1 франк на одну пару штанов оставляло бы в кармане потребителей около тридцати миллионов, половину суммы, необходимой для уплаты налога на соль. — На 20 сантимов меньшая цена на рубашку произведет вероятную экономию, которая будет равна содержанию под ружьем корпуса из двадцати тысяч человек.

За пятнадцать лет потребление сахара возросло с 53 миллионов килограммов до 118; в настоящее время его потребление составляет в среднем 3,5 килограмма на человека. Этот прогресс показывает, что сахар должен теперь учитываться вместе с хлебом, вином, мясом, шерстью, хлопком, деревом и углем в числе предметов первой необходимости. Сахар — это аптека для бедняков: было бы слишком, чтобы увеличить потребление этой статьи с 3,5 килограммов на человека до 7? Уберите налог, который составляет 49 франков 50 сантимов на 100 килограммов, и ваше потребление удвоится.

Таким образом, налог на пропитание волнует и третирует бедного пролетария тысячью способов: высокая стоимость соли наносит вред производству скота; пошлины на мясо еще больше уменьшают рацион рабочего. Чтобы удовлетворять одновременно налогу и потребности в напитках брожения, которую ощущает рабочий класс, их подают в смеси, неизвестной химику, что в пиве, что в вине. Что нам еще нужно от церковных диетических рецептов? Благодаря налогу весь год — это великий пост для рабочего; и его пасхальный ужин не стоит перекуса Господина в Страстную пятницу. Есть срочная необходимость отменить повсеместно налог на потребление, который истощает людей и заставляет их голодать: к такому выводу пришли как экономисты, так и радикалы.

Но если пролетарий не постится, чтобы накормить Цезаря, что будет есть Цезарь? И если бедняк не разорвет свой плащ, чтобы покрыть наготу кесаря, во что оденется Цезарь?

Вот вопрос, неизбежный вопрос, который должен быть решен.

Поэтому г-н Шевалье, задавшись вопросом № 6, носят ли наши налоговые законы характер законов против роскоши, ответил: Нет, наши налоговые законы не имеют характера законов против роскоши. Г-н Шевалье мог бы добавить, и это было бы как новым, так и правдивым, что именно это является лучшим в нашем налоговом законодательстве. Но г-н Шевалье, который до сих пор сохраняет, несмотря ни на что, старое волнение радикализма, предпочитал выступать против роскоши, что не могло скомпрометировать его ни перед какой партией. «Если бы в Париже, — воскликнул он, — мы потребовали бы с частных экипажей, седельных или перевозящих лошадей, слуг и собак, налог, который мы накладываем на мясо, мы бы совершили честную сделку».

Для того ли, чтобы комментировать политику Мазаньелло [205], г-н Шевалье сидит в Коллеж де Франс? Я видел в Бале собак, несущих налоговую табличку на шеях, как признак их капитализации, и я полагал, что в стране, где налог практически равен нулю, налог на собаку был гораздо большим уроком этики и гигиенической мерой предосторожности, чем один элемент выручки. В 1844 г. налог на ввозимых собак для всей провинции Брабант (667,000 жителей) составлял 2 франка 11,5 сантимов за голову, всего 63,000 франков. Исходя из этого мы можем предположить, что тот же налог, производящий в объеме всей Франции 3 миллиона, приведет к снижению налога на долю 8 сантимов на человека в год. Разумеется, я далек от утверждения, что нужно пренебрегать 3 миллионами, особенно с расточительным правительством; и я сожалею, что Палата отложила налог на собак, который всегда использовался, чтобы обеспечивать дотации для полдюжины «их высочеств». Но я напоминаю вам, что налог такого рода имеет в качестве принципа гораздо меньше налоговых процентов, чем оснований для порядка; следовательно, с фискальной точки зрения его следует рассматривать как явление с нулевым значением, и что он должен быть даже отменен как оскорбительный, поскольку большинство людей, немного более гуманизированных, чувствует отвращение к компании животных. *Восемь сантимов в год, какое облегчение нищеты!*...

Но г-н Шевалье пощадил другие ресурсы: лошадей, экипажи, прислугу, предметы роскоши, роскошь, наконец! Сколько всего в одном этом слове — РОСКОШЬ!

Давайте сократим эту фантазмагорию простым подсчетом: осмысление придет позже. В 1842 г. общая собранная пошлина на импорт составила 129 миллионов. Из этой суммы в 129 миллионов 61 вид товаров, предназначенных для потребления, соответствовали 124 миллионам, а 117 видов товаров, принадлежащих к предметам роскоши, — *50 тысячам франков*. Среди первых сахар дал 43 миллиона, кофе — 12 миллионов, хлопок — 11 миллионов, шерсть — 10 миллионов, масла — 8 миллионов, уголь — 4 миллиона, лен и конопля 3 миллиона; всего: 91 миллион на 7 статей. Таким образом, показатель выручки уменьшается по мере того, как товар используется меньше, потребляется реже, а роскошь становится все более изысканной. И все же предметы роскоши являются наиболее облагаемыми. Поэтому для того, чтобы добиться заметного сокращения налогообложения товаров первой необходимости, пошлины на предметы роскоши будут увеличены в сто раз, и все, что будет получено, — это уничтожение торговли запретительным налогом. Значит, все экономисты выступают за отмену таможен; не для того ли, чтобы заменить их льготами?... Обобщим этот пример: соль производит налоговику 57 миллионов, табак 84 миллиона. Давайте посмотрим, с цифрами в руках, какими налогами на предметы роскоши, после снятия (гипотетически) налогов на соль и табак, мы восполним этот дефицит.

Вы хотите поражать предметы роскоши: вы обращаете цивилизацию вспять. Я утверждаю, что предметы роскоши должны быть настоящими. Каковы с экономической точки зрения предметы роскоши? Таковы, чья доля в общем богатстве самая низкая, те, которые идут последними в промышленном ряду, и чье создание предполагает предсуществование всех остальных. С этой точки зрения все продукты человеческого труда были и раз за разом переставали быть предметами роскоши, поскольку под роскошью мы понимаем не что иное, как хронологический либо коммерческий постфактум в элементах богатства. Словом, роскошь — это синоним прогресса, это в каждый момент общественной жизни является выражением максимального благосостояния, достигаемого трудом и достигаемого как правом, так и предназначением каждого. Значит, так же, как налог в течение определенного круга времени относится к недавно построенному дому и недавно распаханному полю, он должен чистосердечно приветствовать новые товары и драгоценные предметы беспошлинно, потому что с их дефицитом нужно постоянно бороться, поскольку любое изобретение заслуживает поощрения. Так что же! хотели бы вы создать под предлогом роскоши новые категории граждан? и вы всерьез относитесь к городу Саленте и прозопопее Фабрициуса [206] ?

Так как предмет ведет нас туда, давайте поговорим о морали. Вы, несомненно, не будете отрицать ту истину, избитую сенеками [207] всех веков, о том, что роскошь *развращает и ослабляет* нравы: что означает, что она гуманизирует, возвышает и облагораживает привычки; что первым и наиболее эффективным образованием для людей, стимулом идеала для большинства людей является роскошь. Грации были обнажены, согласно древним; но кто сказал, что они были нищими? Это вкус к роскоши, который в наши дни, в отсутствие религиозных принципов поддерживает общественное движение и раскрывает свое достоинство для низших классов. Академия гуманитарных и политических наук это хорошо поняла, поскольку избрала роскошь как тему одного из своих выступлений, и я от всего сердца аплодирую ее мудрости. Роскошь действительно уже больше, чем право в нашем обществе, это необходимость; и действительно должно жалеть того, кто никогда не позволяет себе немного роскоши. И именно тогда, когда всеобщими усилиями стремятся популяризировать все больше и больше предметов роскоши, вы хотите ограничить наслаждение народа объектами, которые вам хочется квалифицировать объектами необходимости! Именно тогда, когда сообщество роскоши сближает и объединяет ряды, вы углубляете разделительную линию и повышаете свои ступени! Рабочий потеет, лишает себя и ужимает себя, чтобы купить украшение для своей невесты, ожерелье для своей маленькой дочери, часы для своего сына: и вы отнимаете у него это счастье, если он не платит ваш налог, то есть ваш штраф!

Но задумывались ли вы, что облагать предметы роскоши — значит запрещать искусство роскоши? Считаете ли вы, что производители шелка, чья заработная плата в среднем не достигает 2 франков; портные за 50 сантимов; ювелиры, часовщики с их бесконечной безработицей; прислуга в 40 экю, считаете ли вы, что они зарабатывают слишком много? Вы уверены, что работник роскоши не будет платить налог на роскошь, как потребитель напитков платит налог на напитки? Знаете ли вы также, что наибольшая дороговизна предметов роскоши не будет препятствием для удешевления стоимости товаров первой необходимости, и если, полагая, что вы благоприятствуете наиболее многочисленному классу, вы не ухудшаете общее состояние? Прекрасное предположение, правда! Дадим рабочему 20 франков на вине и сахаре и заберем 40 на удовольствиях. Он выигрывает 75

сантимов на коже своих ботинок, но чтобы отвезти семью в деревню четыре раза в год, он заплатит 6 франков за экипажи! Мелкий буржуа платит 600 франков горничной, прачке, белошвейке, коммивояжерам; и если исходя из экономии, которая всех устраивает, он возьмет прислугу, то налоговый в интересах средств к существованию накажет эту мысль о сбережении! До чего же абсурдна, если приглядеться, филантропия экономистов!

Тем не менее я хочу удовлетворить вашу фантазию; и так как вам абсолютно необходимы законы против роскоши, я делаю вид, что даю вам выручку. И я заверяю вас, что в моей системе восприятие будет легким: никаких контролеров, диспетчеров, дегустаторов, пробирщиков, калибраторов, кондукторов; пунктов мониторинга или офисных расходов; ни малейшей досады или нескромности, никакого ограничения. Пусть законом будет предписано, что в будущем никто не сможет совмещать две зарплаты, и что самые высокие гонорары во всех занятиях не смогут превышать 6,000 в Париже, и 4,000 — в департаментах. И что! вы опускаете глаза!.. Признайте тогда, что ваши законы против роскоши — только лицемерие.

Чтобы утешить людей, некоторые придают налогу вид коммерческой рутины. Если, например, говорят они, цена на соль будет снижена наполовину, если оплата доставки писем будет уменьшена в той же пропорции, потребление не преминет увеличиться, выручка станет больше, чем двойной, налоговый выиграет и потребитель — вместе с ним.

Я предполагаю, что происходящее подтверждает этот прогноз, и я говорю: Если бы оплата доставки писем была сокращена на три четверти, и если бы соль давалась даром, выиграл бы налоговый? Конечно, нет. Так в чем тогда смысл того, что называют почтовой реформой? Это связано с тем, что для каждого вида продукта существует естественная ставка, СВЕРХ которой прибыль становится ростовщической и провоцирует тенденцию к сокращению потребления, но НИЖЕ которой ведет к убыткам для производителя. Это весьма похоже на определение стоимости, которое экономисты отвергают и по поводу которой мы говорили: Это секретная сила, которая устанавливает крайние пределы, между которыми колеблется стоимость; значит, существует среднее значение, которое выражает справедливую стоимость.

Никто, разумеется, не желает, чтобы почтовые услуги были убыточными; мнение, следовательно, состоит в том, чтобы эти услуги производились *по себестоимости*. Это настолько элементарно по своей простоте, что удивляет, что необходимо было посвятить себя кропотливому исследованию результатов сокращения оплаты доставки писем в Англии; накапливать пугающие цифры и вероятности до потери зрения, пытаться разум, чтобы узнать, принесет ли сокращение во Франции прибавку или дефицит, и, наконец, чтобы не иметь возможности договориться ни о чем. Что! Не нашлось человека в здравом уме, чтобы сказать Палате (депутатов): нет необходимости ни в докладе посла, ни в примерах из Англии: нужно постепенно сокращать расходы на почтовую доставку до тех пор, пока доход не достигнет уровня расходов![208] Куда подевался наш старый галльский рассудок?

Но, скажут, если налог, соответствующий себестоимости, будет выставлен на соль, табак, почтовые отправления, сахар, вино, мясо и т. д., потребление, несомненно, увеличится, улучшение будет огромным: но за счет чего тогда государство будет покрывать свои

расходы? Сумма косвенных налогов составляет почти 600 миллионов: на чем вы хотите, чтобы государство собирало этот налог? Если налоговый ничего не заработает на почте, нужно будет увеличить налог на соль; если не повышать на соль, все нужно будет перенести на напитки; это перечисление никогда не закончится. Значит, выпуск по себестоимости продукции как со стороны государства, так и частной промышленности, невозможен.

Итак, замечу я в свою очередь, поддержка государством страдающих классов невозможна, так же, как невозможен закон против роскоши, как невозможен прогрессивный налог; и все ваши разглагольствования на тему налога — прокурорское сутяжничество. У вас даже нет надежды на то, что увеличение населения, разделяющего налоговое бремя, облегчит ношу для каждого; потому что с населением увеличивается нищета, а с нищетой увеличиваются дело и персонал государства.

Различные налоговые законы, поставленные на голосование Палатой депутатов в ходе сессии 1845-46 гг., являются примерами абсолютной неспособности власти, какой бы она ни была и что бы они ни делала, обеспечивать благосостояние людей. Поэтому единственно тем, что она является властью, то есть представителем божественного права и права собственности, органом силы, она необходимо бесплодна, и все ее действия отмечены фатальным разочарованием.

Ранее я упоминал реформу почтового тарифа, которая снижает цену доставки примерно на треть. Конечно, если речь идет только о причинах, мне незачем упрекать правительство в том, что оно допустило это полезное сокращение: тем менее я буду стремиться приуменьшить его заслуги критикой мелких деталей, которыми наполнена ежедневная пресса. Довольно дорогой налог снижается на 30 %; распределение стало более справедливым и регулярным: я вижу только факт и аплодирую министру, который это сделал. Вопрос не в этом.

Прежде всего, преимущество, которым правительство дает нам возможность воспользоваться с налогом на письма, полностью оставляет этому налогу свой характер соразмерности, то есть несправедливости: вряд ли есть необходимость в дальнейшей демонстрации этого. Неравенство сборов в отношении почтовых тарифов остается прежним, выгода от этого сокращения в основном получается не для самых бедных, но для самых богатых. Тот торговый дом, который платил 3,000 франков за почтовую доставку, будет платить не более 2,000 франков; это, следовательно, 1,000 франков чистой прибыли, которую он прибавит к 50,000, которые дает его торговля, и которыми он обязан щедрости налогового. Со своей стороны крестьянин, рабочий, который напишет два раза в год сыну-солдату и получит такое же количество ответов, сэкономит 50 сантимов. Не правда ли, что почтовая реформа является противоположностью справедливого распределения налогов? что, если, согласно желанию г-на Шевалье, правительство хотело ударить по богатым и пощадить бедных, налог на почтовую доставку был последним, что следовало бы сокращать? Разве не кажется, что налоговый, который неверен духу своего института, ждал только повода для ощутимого сокращения бедности, чтобы иметь возможность сделать подарок на счастье?

Это то, что могли сказать цензоры законопроекта, и что никто из них не увидел. Это правда,

что критика, вместо того, чтобы быть обращенной к министру, ударила по власти в ее основании и вместе с властью — по собственности: что заставило их перестать считаться противниками. Сегодня все мнения — против правды.

Могло ли быть иначе? Нет, поскольку, если бы сохранили старый налог, то навредили бы всем, не помогая никому; а если его снизили, то нельзя было разделить тариф по категориям граждан без нарушения статьи 1 Конституции, в которой говорится: «Все французы равны перед законом», то есть перед налогом. Тем не менее, почтовый налог является необходимо персональным; следовательно, это налог на душу населения; поэтому, что справедливо в этом отношении, будет несправедливым с другой точки зрения, баланс расходов невозможен.

В то же время другая реформа была проведена заботами правительства, а именно реформа тарифа на рогатый скот. Ранее пошлины на домашний скот, будь то импорт из-за границы или ввоз в города, взимали за голову; отныне их придется брать по весу. Эта полезная реформа, востребованная с давнего времени, частично объясняется влиянием экономистов, которые в этом случае, как и во многих других, которые я даже не могу припомнить, проявили самое почетное усердие и оставили очень далеко за собой праздные декларации социализма. Но и здесь добро, вытекающее из закона, направленного на улучшение положения малоимущих, иллюзорно. Выровняли, упорядочили взимание налога на животных; не распределили одинаково между людьми. Богатые, которые потребляют 600 килограммов мяса в год, могут почувствовать новое состояние мясной лавки; подавляющее большинство людей, которые никогда не едят мясо, ничего не заметят. И я снова повторяю свой вопрос: могло ли быть так, чтобы правительство или Палата сделали бы нечто иное, чем то, что было сделано? Еще раз — нет; ибо вы не можете сказать мяснику: ты продашь свое мясо богатым по 2 франка за килограмм, а бедным — по 10 су. Это прямо противоположно тому, что вы получите от мясника.

То же с солью. Правительство сократило на четыре пятых количество соли, используемой в сельском хозяйстве, и при условии денатурации. Некий журналист, который не нашел ничего лучшего для критики, подал жалобу, в которой он оплакивает участь этих бедных крестьян, с которыми по закону обращаются хуже, чем с их скотом. В третий раз спрашиваю: Это может быть иначе? Одно из двух: или сокращение будет абсолютным, и тогда налог на соль должен быть заменен другим; и я бросаю вызов всей французской журналистике — изобрести налог, который выдержит двухминутное испытание; — или сокращение будет частичным, либо сохраняя часть прав за всеми облагаемыми товарами, либо отменяя все права, но только для части товаров. В первом случае сокращение недостаточно для сельского хозяйства и для бедного класса; во втором существует подушный налог, со всей его огромной диспропорцией. Что бы мы ни делали, это бедняк, всегда бедняк, которые поражен, так как, несмотря на все теории, налог никогда не может исходить из чего иного, кроме как из соображений капитала, которым владеют или потребляют, принадлежащего или потребляемого, и что если бы налоговый инспектор захотел поступить по-другому, она остановил бы прогресс, он запретил бы богатство, он убил бы капитал.

Демократы, которые упрекают нас в принесении в жертву революционного интереса (что такое революционный интерес?) интересу социалистическому, должны сказать нам, как, не

делая из государства единственного владельца и не учреждая общности товаров и доходов, они намерены, по системе какого-то налога, поддержать народ и заставить работать то, что у него отнимает капитал. У меня закружилась голова: по всем вопросам я вижу, что власть поставлена в самое ложное положение, а мнение газет размыто в беспредельной чепухе.

В 1842 г. г-н Араго выступал за то, чтобы железными дорогами управляли компании, и большинство во Франции думало, как он. В 1846 г. он заявил, что изменил мнение; и, не считая спекулянтов железных дорог, можно сказать, что большинство граждан изменили мнение аналогично г-ну Араго. Во что верить и что делать с этими переменами ученых и Франции?

Управление государством, кажется, может лучше защитить интересы страны: но это долго, дорого, неразумно. Двадцать пять лет ошибок, просчетов, неожиданностей, миллионы, брошенные сотнями в великую работу по построению страны, доказали это самым сомневающимся. Мы видели даже инженеров, членов администраций, громко заявлявших о несостоятельности государства в вопросах общественных работ так же, как в вопросах промышленности.

Управление компаниями безупречно, это правда, с точки зрения интересов акционеров; но вместе с ними жертвуется общий интерес, открываются двери для биржевых игр, эксплуатации общественности организованной монополией.

Идеалом будет система, объединяющая преимущества двух режимов без каких-либо их недостатков. Тогда каково средство примирения этих противоречивых персонажей? средство раздуть рвение, экономику, проницательность этих несменяемых должностных лиц, которым нечего приобретать или терять? Способ сделать интересы общества столь же ценными для компании, как и ее собственные интересы, сделать так, чтобы эти интересы действительно стали их собственными, но при этом не отменяли бы интересов государства и, следовательно, средство иметь свои собственные интересы? Кто в официальном мире понимает необходимость и, следовательно, возможность такого примирения? Не говоря уже о том, кто владеет секретом?

В этом случае правительство, как всегда, поступило эклектично: оно взяло часть управления на себя и передало другую часть компаниям; то есть, вместо того, чтобы примирить противоположности, оно просто ввергло их в конфликт. И пресса, которая ни по поводу чего не имеет ни большего, ни меньшего рассудка, чем власть, пресса, разделенная на три фракции, взяла сторону — кто за министерскую сделку, кто исключительно за государство, кто исключительно за компании. Так что сегодня, не более, чем до того, ни публика, ни г-н Араго, несмотря на их поворот, не знают, чего хотят.

Какое же стадо в девятнадцатом веке эта французская нация — со своими тремя ветвями власти, со своей прессой, своими корпусами ученых, своей литературой, своим образованием! Сто тысяч человек в нашей стране с постоянно открытыми глазами на все, что касается национального прогресса и чести отечества. Теперь задайте этим сотням тысяч человек самый простой вопрос, касающийся общественного порядка, и вы можете быть уверены, что все столкнется с той же глупостью.

Лучше, чтобы повышение в должности государственных служащих осуществлялось на основе заслуг или на основе стажа работы?

Конечно, нет никого, кто не хотел бы, чтобы этот двойной способ оценки был объединен в один. Каким (замечательным) было бы общество, в котором права талантов всегда соответствовали бы возрасту! Но, говорят, такое совершенство утопично, потому что оно противоречиво в своем утверждении. И вместо того, чтобы видеть, что именно это противоречие делает это возможным, принимаются спорить о соответствующей ценности двух противоположных систем, каждая из которых ведет к абсурду, также приводит к недопустимым злоупотреблениям.

Кто оценит заслуги? один скажет: правительство. Однако правительство признает заслуги только своих созданий. Так что невозможно приблизиться к выбору, нет аморальной системы, которая разрушит независимость и достоинство государственного служащего.

Но, говорит другой, выслуга лет очень уважаема, без сомнения. Жаль, что у нее есть недостаток: сдерживать все, что по сути своевольно и свободно, труд и мысль; создавать препятствия для власти, даже среди ее агентов, и придавать случайности, часто от бессилия, цену гения и отваги.

Наконец, идут на компромисс: правительству предоставляется возможность произвольно назначать на ряд должностей людей, якобы имеющих заслуги, и которые, как предполагается, не нуждаются в опыте; в то время как остальные, считающиеся, по видимому, неспособными, продвигаются вперед по очереди. И пресса, эта старая дылда всех самонадеянных посредственностей, которая чаще всего видит лишь дармовые сочинения молодых людей, лишенных таланта настолько же, как и научных знаний, пресса, готовая снова начать свои рейды против власти, обвиняя ее, не без причины, здесь в фаворитизме, там — в косности.

Кто мог бы гордиться тем, что никогда ничего не делал по прихоти прессы! После декламаций и жестикуляции, направленных против необъятности бюджета, она — та самая, кто призывает увеличить содержание для армии государственных служащих, которым, честно говоря, действительно не на что жить. Иногда это образование, высшее и начальное, которое с помощью прессы делает свои жалобы услышанными; иногда это деревенское духовенство, настолько плохо оплачиваемое, что оно вынуждено поддерживать дополнительный заработок, плодотворный источник скандалов и злоупотреблений. Затем это вся административная нация, которая обделена жильем, одеждой, теплом и едой: это миллион человек со своими семьями, почти восьмая часть населения, чья бедность является позором для Франции, и для которых необходимо было бы в первую очередь увеличить бюджет на 500 миллионов. Можете ли взять из среднего дохода 920 франков на четверых 236 франков, более четверти, чтобы оплатить, с учетом других государственных расходов, заработок тех, кто ничего не производит? И если вы этого не можете, если вы не можете ни оплатить ваши расходы, ни сократить их, чего вы требуете? на что вы жалуетесь?

Пусть люди узнают это однажды: все надежды на снижение и справедливость налога, которые поддерживают разглагольствования власти и обличения партийных активистов, — все это мистификации: ни налог не может сократиться, ни распределение не может быть

справедливым при монопольном режиме. Напротив, чем больше ухудшается состояние гражданина, тем более тяжелой для него становится (налоговая) нагрузка: это фатально, неотразимо, несмотря на откровенное намерение законодателя и неоднократные усилия налогового инспектора. Тот, кто не может стать или оставаться богатым, кто вошел в пещеру несчастья, должен смириться с тем, чтобы платить пропорционально своей нищете: *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate* (Оставь надежду всяк сюда входящий).

Налог, следовательно, страховка, отныне мы больше не будем разделять эти две идеи, является новым источником пауперизма: налог усугубляет подрывные последствия предыдущих антиномий, разделения труда, машин, конкуренции, монополии. Он нападает на работника в его свободе и в его сознании, в его теле и в его душе, паразитизмом, неприятностями, мошенничествами, которые он внедряет, и наказанием, которое следует за ними. При Людовике XIV одна только контрабанда соли каждый год производила 3,700 случаев конфискации домов, 2,000 арестов мужчин, 1,800 женщин, 6,600 детей, 1,100 конфискованных лошадей, 50 конфискованных экипажей, 300 приговоров к галерам. И это, замечает историк, было продуктом только единственного налога, налога на соль. Каково же было общее количество несчастных, заключенных в тюрьму, подвергнутых пыткам, экспроприациям из-за налогов?

В Англии на четыре семьи приходится одна непродуктивная, и она живет в сытости. Какая будет польза для рабочего класса, думаете вы, если эту паразитарную проказу убрать! Без сомнения, теоретически вы правы; на практике подавление паразитизма было бы бедствием. Если четверть населения Англии непродуктивна, есть другая четверть этого же населения, которая работает на него: что будет делать эта часть работников, если они вдруг потеряют размещение своей продукции? Абсурдное предположение, говорите вы. Да, абсурдное предположение, но очень реальное предположение, которое вы должны признать именно потому, что оно абсурдно. Во Франции постоянная армия, состоящая из 500,000 человек, 40,000 священников, 20,000 врачей, 80,000 юристов, 26,000 таможенников, и, я не знаю, скольких сотен тысяч других ничего не производящих граждан всех видов представляют собой огромный рынок сбыта для нашего сельского хозяйства и наших фабрик. Если этот рынок сбыта внезапно закроется, промышленность остановится, торговле наступит конец, сельское хозяйство задохнется под своими продуктами.

Но как же можно представить себе, что нация окажется в затруднительном положении, если избавится от лишних ртов? — Спросите лучше, как машина, чье потребление было запланировано на уровне 300 килограммов угля в час, потеряет свою силу, если ей дадут всего 150. — Но, тем не менее, нельзя ли сделать продуктивными этих непродуктивных, поскольку нельзя от них избавиться? Эх! дитя: скажите мне тогда, как вы будете обходиться без страховки, монополии, конкуренции и всех противоречий, наконец, из которых состоит ваш порядок вещей? Слушайте.

В 1844 г. по случаю волнений в Рив-де-Жие г-н Ансельм Пететин опубликовал в «Независимом обозрении» две статьи, полные разума и откровенности по теме об анархии в эксплуатации угольных шахт в бассейне Луары. Г-н Пететин указал на необходимость объединения шахт и централизации эксплуатации. Факты, которые он довел до сведения общественности, не были проигнорированы властями: обеспокоились ли власти объединением шахт и организацией этой отрасли? Ни в коем случае. Власти следовали

принципу свободной конкуренции, отпустили ситуацию на самотек и наблюдали за происходящим.

С тех пор владельцы угледобычи объединили свои усилия, не без некоторого беспокойства со стороны потребителей, которые в этом объединении усмотрели секретный проект повышения цен на топливо. Будет ли вмешиваться власть, получившая многочисленные жалобы на эту тему, чтобы восстановить конкуренцию и предотвратить монополию? Она не может: право коалиции по закону идентично праву ассоциации; монополия — основа нашего общества, как конкуренция — его завоевание; и при условии отсутствия беспорядков власть отпустит ситуацию на самотек и будет наблюдать за происходящим. Как она может вести себя по-другому? Может ли она запретить законно образованную торговую компанию? может ли она заставить соседствующих операторов уничтожить друг друга? Может ли она запретить им сократить расходы? Может ли она установить максимум? Если бы власть сделала только одну из этих вещей, она бы отменила установленный порядок. Таким образом, власть не может выступать с какой-либо инициативой: она создана для защиты и способствования одновременно как монополии, так и конкуренции с учетом патентов, лицензий, взносов за землю и других сервитутов, которые она установила в отношении собственности. Помимо этих оговорок, власти не имеют права ничего утверждать от имени общества. Общественное право не определено: более того, это будет само отрицание монополии и конкуренции. Как тогда власть будет защищать то, что закон не предусматривает, не определяет, от того, что является противоположностью прав, признанных законодателем?

Так же, когда шахтер, которого мы должны рассматривать в событиях в Рив-де-Жие как истинного представителя общества лицом к лицу с владельцами угледобычи, решил сопротивляться росту монополистов, отстаивая свою зарплату, и противопоставить коалицию коалиции, власть расстреляла шахтера. А политические громы обвиняют власть, предвзятую, по их словам, жестокою, продавшеюся монополии и т. д. Что касается меня, я заявляю, что этот способ оценки действий власти кажется мне не очень философским, и что я отвергаю его изо всех сил. Вероятно, можно было бы убить меньше людей, также вероятно, что можно было бы убить больше: здесь следует отметить не количество погибших и раненых, а репрессии против рабочих. Те, кто критиковал власть, поступили бы так же, как она, за исключением, может быть, нетерпения их штыков и точности стрельбы: они бы подавили, говорю я, они не могли поступить иначе. И причина, которую напрасно пытались бы игнорировать, заключается в том, что конкуренция законна; товарищество с ограниченной ответственностью законно; спрос и предложение законны, и все последствия, которые непосредственно вытекают из конкуренции, акционирования и свободной торговли, законны: в то время как забастовка рабочих НЕЗАКОННА. И это не только в Уголовном кодексе так сказано, это экономическая система, это необходимость в установленном порядке. Пока труд не независим, он останется рабским: общество существует только по этой цене. То, что каждый рабочий свободно располагает собой и своими руками, это можно терпеть [209]; но то, что рабочие посредством коалиций применяют насилие к монополии, это то, чего общество не может допустить. Разрушьте монополию, и вы уничтожите конкуренцию, и вы дезорганизуете цех, и вы повсюду посеете разложение. Власть, расстреливая шахтеров, оказалась в положении Брута, помещенного между его любовью к отцу и его обязанностями консула: он должен был потерять своих детей или спасти республику. Альтернатива была ужасна: но таков дух и буква

общественного договора, таково содержание соглашения, таков порядок Провидения.

Таким образом, полиция, созданная для защиты пролетариата, действует против пролетариата. Пролетария согнали из лесов, с рек, гор; ему запретили передвигаться; скоро он узнает того, кто приведет его в тюрьму.

Достижения в сельском хозяйстве заставили почувствовать в основном преимущества искусственных лугов и необходимость упразднить пустые пастбища. Везде расчищают, облагораживают, огораживают общие земли: новые достижения, новое богатство. Но бедный поденщик, не имевший иного достояния, кроме коммунального, который летом кормил корову и нескольких овец, выпасая их вдоль дорог, по зарослям и расчищенным полям, потеряет свой единственный и последний ресурс. Землевладелец, покупатель или производитель коммунальных товаров теперь будет торговать в одиночку, с пшеницей и овощами, молоком и сыром. Вместо того, чтобы ослаблять древнюю монополию, создают новую. Это даже не дорожные рабочие, которые не оставляют за межей принадлежащий им луг и не изгоняют неадминистративный скот. Что из этого следует? что поденный рабочий, прежде чем отказаться от своей коровы, пасет в нарушение закона, предается мародерству, приносит тысячу убытков, приговаривается к штрафу и к тюрьме: какая ему польза от полиции и достижений сельского хозяйства? — В прошлом году мэр Мюлуза, чтобы предотвратить мародерство винограда, запретил любому лицу, не владеющему виноградниками, циркулировать днем или ночью по тропинкам, которые пролегают или пересекают виноградники: щедрая мера предосторожности, поскольку она порождает желанья и сожаления. Но если общественная дорога является лишь аксессуаром собственности; если общее достояние превращается в собственность, если общественное достояние, наконец, ассимилируется с собственностью, сохраняется, эксплуатируется, сдается в аренду, продается как собственность, что остается для пролетариата? Какая польза ему от того, что общество выходит из состояния войны, чтобы войти в полицейский режим?

Как и земля, промышленность имеет свои привилегии: привилегии, закрепленные в законе, как всегда, с учетом условий и оговорок; но, также как всегда, в большой ущерб потребителю. Вопрос интересный: скажем несколько слов об этом.

Я цитирую г-на Ренуара.

«Привилегии, — говорит г-н Ренуар, — были исправлением правил...»

Я прошу разрешения г-на Ренуара перефразировать его мысль: правило было исправлением привилегии. Потому что, кто говорит «правило», говорит «ограничение»: значит, как можно представить, что привилегия была ограничена до того, как она существовала? Я понимаю, что суверен подчинил привилегии правилам; но я не понимаю также, как он создал бы привилегии специально, чтобы смягчить действие правил. Подобное допущение не было бы ничем мотивировано; это было бы следствием без причины. С точки зрения логики, так же, как истории, все то уместно и монополизировано, что происходит от закона и правила: это справедливо как для гражданского кодекса, так и для уголовного. Первое вызвано владением и присвоением; второе — преступлениями и проступками. Г-н Ренуар, озабоченный идеей кабалы, присущей любому правилу, рассматривал привилегию как

компенсацию этой кабалы; и именно это заставило его сказать, что *привилегии являются исправлением правил*. Но то, что добавляет г-н Ренуар, доказывает, что это противоположно тому, что он хотел сказать: «*Основополагающий принцип нашего законодательства, принцип временной монопольной концессии как цены контракта между обществом и рабочим, всегда преобладал и т. д.*». Что имеется в виду под этой монопольной *концессией*? Простое признание, декларация. Общество, желая отдать предпочтение новой отрасли и пользоваться преимуществами, которые она обещает, *идет на компромисс* с изобретателем так же, как идет на компромисс с поселенцем: оно на время гарантирует ему монополию в его отрасли; но оно не создает монополию. Монополия существует благодаря самому факту изобретения; и это признание монополии, которое составляет общество.

Эта двусмысленность рассеяна, я перехожу к противоречиям закона.

«Все промышленно развитые страны приняли временную монополию как цену контракта между обществом и изобретателем... Я не склонен полагать, что все законодатели всех стран совершили ограбление».

Г-н Ренуар, если он когда-либо прочтет эту работу, сделает все возможное, чтобы я признал, что, цитируя ее, я критикую не его мысль: он сам чувствовал противоречия патентного права. Все, на что я претендую, это чтобы вернуть это противоречие в общую систему.

Почему, прежде всего, монополия в промышленности *временная*, в то время как земельная монополия *бессрочная*? Египтяне были более последовательны: у них эти две монополии были одинаково наследственными, бессрочными, неприкосновенными. Я знаю, какие соображения были выдвинуты против бессрочности литературной собственности, и я признаю их все: но эти соображения одинаково хорошо применимы к собственности на землю: более того, они позволяют существовать противоположным аргументам. В чем секрет всех этих законодательных вариаций? — Кроме того, мне больше не нужно говорить, что, указывая на это несоответствие, я не хочу клеветать или производить сатиру: я признаю, что законодатель определился, не добровольно, но по необходимости.

Но самое явное противоречие — то, которое вытекает из устройства закона. Раздел IV, ст. 30, § 3 гласит: «Если патент относится к принципам, методам, системам, открытиям, теоретическим или чисто научным, промышленное применение которых не указано, патент является недействительным».

Теперь, что такое *принцип, метод, теоретическая концепция, система*? Это в чистом виде плод гения, это изобретение в его чистоте, это идея, это всё. Применение — это грубый факт, ничто. Таким образом, закон исключает из выгоды патента то, что заслуживает патента, а именно идею; напротив, он предоставляет патент применению, то есть материальному факту, копии идеи, сказал бы Платон. Поэтому неправильно, когда говорят *патент на изобретение*; нужно говорить *патент на первое применение*.

Человек, который в эти дни изобрел бы арифметику, алгебру, десятичную систему, не получил бы патент, но у Баррема [210] было бы право собственности на его подсчеты-факты. Паскаль не смог бы запатентовать свою теорию давления воздуха: стекольщик добился бы вместо него привилегии для барометра. «Спустя 2000 лет, — я цитирую г-на

Араго, — один из наших соотечественников догадался, что винт Архимеда, который используется для поднятия воды, может быть использован для сброса газов: достаточно, ничего не меняя, поворачивать его справа налево, а не слева направо, как для того, чтобы поднимать воду. Большие объемы газа, загруженные посторонними веществами, переносятся таким образом на дно глубокого слоя воды; газ очищается на пути вверх. Я утверждаю, что это изобретение; что человек, который увидел способ превратить винт Архимеда в выдвунную машину, имел право на патент». Самое необычное заключается в том, что сам Архимед был бы обязан выкупить право использовать свой винт: и г-н Араго находит это справедливым.

Нет необходимости приумножать эти примеры: то, что закон хотел монополизировать, — это не идея, а, как я уже говорил, факт; изобретение, но применение. Как будто идея не была категорией, охватывающей все факты, которые ее переводят; как если бы метод, система не были бы обобщением опыта, несущего в себе то, что составляет плод гения, — изобретение! Здесь законодательство более чем антиэкономическое, оно бестолковое. Значит, я имею право спросить у законодателя: почему, несмотря на свободную конкуренцию, которая есть не что иное, как право применять теорию, принцип, метод, систему, не пригодную для использования, она в некоторых случаях запрещает эту самую конкуренцию, это право применять принцип? «Больше нельзя, — заявил небезосновательно г-н Ренуар, — задушить своих конкурентов, объединив силы в корпорациях; мы компенсируем себя патентами. Почему законодатель протянул руки этому заговору монополий, такому запрету теорий, которые принадлежат всем?

Но какой смысл постоянно обращаться к тому, кто не может ничего сказать? Законодатель не знал, в каком духе он действовал, когда делал странное заявление о праве собственности, которое нужно, чтобы быть точным, назвать правом приоритета. Пусть он объяснится, по крайней мере, по условиям договора, заключенного им от нашего имени с монополистами.

Я игнорирую часть, касающуюся дат и других административных и налоговых формальностей, и я прихожу к этой статье:

«Патент не гарантирует изобретения».

Несомненно, общество или князь, который его представляет, не может и не должно гарантировать изобретение, поскольку, уступая четырнадцатилетнюю монополию, общество становится правопреемником привилегии, и, следовательно, патент должен предоставить гарантию. Как же тогда доблестные законодатели могут прийти и сказать своим избирателям: мы договорились от вашего имени с изобретателем; он обязался заставить вас пользоваться его открытием при условии его исключительной эксплуатации в течение четырнадцати лет. Но мы не гарантируем изобретение! — А на что же вы рассчитывали, законодатели? Как вы не поняли, что без гарантии изобретения вы уступаете привилегию, уже не для реального открытия, а для возможного открытия, и что таким образом поле промышленности было отчуждено вами до того, как был найден плуг? Конечно, ваш долг велел вам быть осторожными; но кто дал вам мандат на то, чтобы быть простофилями?

Таким образом, патент на изобретение — это даже не дата, а досрочное отчуждение. Как

если бы закон гласил: я гарантирую землю первому обитателю, но без гарантии качества, места или даже ее существования; без того, чтобы я знал, что я должен ее уступить или что ее кто-нибудь присвоит! Приятного пользования законодательной властью!

Я знаю, что у закона были веские причины, чтобы воздержаться; но я утверждаю, что у него были и хорошие резоны, чтобы вмешаться. Доказательство:

«Нельзя это скрыть, — сказал г-н Ренуар, — нельзя этому помешать: патенты являются и будут орудием шарлатанства, а заодно и законной наградой за труд и гениальность... Это в общественном здравом смысле — вершить правосудие жонглирований».

Можно также сказать: общественный здравый смысл — отличать настоящие средства от фальшивых, натуральное вино от фальшивого; общественный здравый смысл — отличать на бутоньерке украшение, данное за заслуги, от данного блудливому — за посредственность и интриги. Почему тогда вы называетесь Государством, Силой, Властью, Полицией, если полиция должна основываться на здравом смысле?

Как говорится: «У кого есть земля, у того есть война»; также

«У кого привилегия, у того — судебный процесс».

Эй! как вы будете судить о подделке, если у вас нет гарантии? Напрасно утверждать, что по закону первично применение, на самом деле это лишь подобие. Там, где качество вещи составляет саму ее реальность, не требовать гарантии — это не предоставлять права ни на что, это лишаться средства сравнения процессов и обнаружения подделок. С точки зрения промышленных процессов, успех зависит от такой малости! Теперь эта малость — это всё.

Из всего этого я делаю вывод, что закон о патентах на изобретения, необходимый по его мотивам, невозможен, то есть нелогичен, произволен, фатален по его экономике. Под империей определенных потребностей законодатель полагал, в общих интересах, предоставить привилегию для определенной вещи; и оказывается, что он дал незаполненный чек монополии, что он лишил общественность шансов сделать открытие или любое другое аналогичное, что он пожертвовал правами конкурентов без компенсации и предоставил жадности шарлатанов добросовестность потребителей. Затем, чтобы ничего не пропустить в абсурдности контракта, он сказал тем, кому должен был гарантировать: гарантируйте сами себе!

Я верю не больше, чем г-н Ренуар, что законодатели всех времен и всех стран совершали грабеж, освящая различные монополии, на которых базируется государственная экономика. Но г-н Ренуар также может согласиться со мной, что законодатели всех времен и стран никогда ничего не понимали в своих собственных указах. Глухой и слепой научился звонить в колокола и заводить часы в своем (церковном) приходе. Что ему было удобно в его работе в качестве звонаря, так это то, что ни звук колоколов, ни высота колокольной не вызывали у него головокружения. Законодатели всех времен и всех стран, к которым я вместе с г-м Ренуаром испытываю глубочайшее уважение, похожи на этого слепо-глухого человека: они — жакемары [211] всего человеческого безумия.

Какая слава для меня, если я приду к тому, чтобы заставить эти автоматы задуматься! если смогу заставить их понять, что их работа — это полотно Пенелопы, с которым они обречены на то, чтобы оно разматывалось с одной стороны, в то время, как они продолжают шить его на другом!

Поэтому, несмотря на то, что мы приветствуем создание патентов, в других случаях мы требуем отмены привилегий, и всегда с той же гордостью, с тем же удовлетворением. Г-н Гораций Сэй [212] хочет, чтобы торговля мясом была свободной. Среди других причин он приводит следующий математический аргумент:

«Мясник, который хочет обанкротиться, ищет покупателя для своих запасов; он учитывает свою утварь, свои товары, свою репутацию и своих клиентов; но при нынешнем режиме он добавляет стоимость голого титула, то есть права участвовать в монополии. Однако этот дополнительный капитал, который мясник-покупатель приобретает для титула, вызывает интерес: это не новое творение: необходимо, чтобы он включил этот интерес в цену своего мяса. Следовательно, ограничение количества тисков [213] может скорее повысить цену мяса, чем снизить его.

Я не боюсь попутно сказать, что то, что я говорю здесь о продаже мясной лавки, применимо к любому поручению, имеющему название продажи».

Причины, по которым г-н Гораций Сэй говорит об отмене привилегий мясника, не подлежат объяснению: кроме того, они относятся к печатникам, нотариусам, поверенным, судебным приставам, клеркам, аукционистам, брокерам, биржевым маклерам, фармацевтам и другим так же, как к мясникам. Но они не разрушают причины, которые привели к принятию этих монополий, и которые в основном вытекают из необходимости обеспечения безопасности, подлинности, регулярности транзакций, как интересы торговли и здравоохранения. — Цель, скажете вы, не достигнута. — Боже мой! Я это знаю: оставив мясную торговлю в конкуренции, вы будете есть падаль; установив мясную монополию, вы будете есть падаль. Это единственный плод, на который вы можете рассчитывать из своего монопольного и патентного законодательства.

Злоупотребление! восклицают экономисты-регуляторы. Создайте полицию надзора за торговлей, сделайте обязательными торговые марки, накажите за фальсификацию товаров и т. д.

На пути, где цивилизация вовлечена, куда бы мы ни свернули, мы всегда придем или к деспотизму монополии, а следовательно, к угнетению потребителей; или к уничтожению привилегии с помощью действий полиции, что означает регресс в экономике, растворение общества, уничтожение свободы. Чудесная вещь! в этой системе свободной промышленности злоупотребления, так же, как педикулярные паразиты, возрождаются из собственных средств защиты, если законодатель захотел пресечь все преступления, контролировать все мошенничества, предохранять от всех посягательств людей, имущество и государственные дела, от реформы к реформе он умудрится умножить непроизводительные функции до такой степени, что вся нация пройдет через них, и это приведет к тому, что в конце концов некому будет производить. Каждый станет полицейским: промышленный класс станет мифом. Тогда, возможно, порядок будет

царствовать в монополии.

«Принцип закона, который должен применяться к товарным маркам, — говорит г-н Ренуар, — то, что эти марки не могут и не должны превращаться в гарантии качества». Это является следствием патентного права, которое, как мы видели, не гарантирует изобретения. Если принять принцип г-на Ренуара: для чего тогда будут использоваться марки? Что для меня важно прочесть на бутылочной пробке, вместо *вина в двенадцать* или *вина в пятнадцать*, «Компания Энофиль», или другого, какого угодно производства? Меня волнует не имя продавца, а качество и справедливая цена товара.

Предполагается, правда, что название производителя будет как сокращенный знак хорошего или плохого изготовления, высокого или низкого качества. Так почему бы не согласиться откровенно с мнением тех, кто требует вместе с маркой *происхождения* марку *обозначения*? Такая оговорка не понимается. Оба вида марки имеют одну и ту же цель; вторая — только изложение или парафраза первой, конспект проспекта продавца: почему, опять же, если происхождение что-то означает, марка не определяет это значение?

Г-н Воловски очень хорошо развил этот тезис в своей вступительной речи 1843—44 гг., суть которой полностью заключается в этой аналогии: «Так же, — говорит г-н Воловски, — как правительство смогло определить критерий *количества*, оно может, оно должно установить критерий *качества*; один из этих критериев является необходимым дополнением другого. Денежная единица, система мер и весов не влияла на промышленную свободу; режим товарных знаков также не повредит». Затем г-н Воловски подкрепляет себя авторитетом князей науки А. Смита и Ж.-Б. Сэя: предосторожность всегда полезная, поскольку слушатели подчиняются авторитету гораздо больше, чем разуму.

Что касается меня, я заявляю, что полностью разделяю идею г-на Воловски, и это потому, что я нахожу ее глубоко революционной. По словам г-на Воловски, марка — не что иное, как критерий качества, равно как для меня — общая оценка. Ибо, независимо от того, делает ли это специальный орган, который маркирует от имени государства и гарантирует качество товаров, как это имеет место в случае золота и серебра, или же забота о товарном знаке переходит к производителю; от момента, как товарный знак должен сообщать *о внутреннем составе товара* (это собственные слова г-на Воловски) и *защищать потребителя от неожиданностей*, он обязательно разрешается по фиксированной цене. Это не то же самое, что цена: два одинаковых продукта, но разного происхождения и качества, могут иметь одинаковую стоимость; глоток бургундского может стоить глотка бордосского; но марка, будучи значимой, ведет к точному знанию цены, поскольку позволяет сделать анализ. Рассчитать цену товара — значит расчленив его на составные части; это именно то, что должен сделать товарный знак, чтобы что-то значить. Следовательно, мы движемся, как я уже сказал, к общему ценообразованию.

Но общее ценообразование — это не что иное, как определение всех стоимостей, и здесь политическая экономия вновь вступает в противоречие в своих принципах и тенденциях. К сожалению, чтобы провести реформу г-на Воловски, необходимо начать с разрешения всех предыдущих противоречий и поставить себя в более высокую сферу ассоциации: и именно этот недостаток навлек на систему г-на Воловски порицание большинства его коллег-экономистов.

Действительно, система товарных знаков неприменима в существующем порядке, потому что эта система, противоречащая интересам производителей, несовместимая с их привычками, может существовать только благодаря энергичной воле власти. Предположим на мгновение, что орган власти несет ответственность за нанесение знаков: его агенты должны будут постоянно вмешиваться в работу, так как они вмешиваются в торговлю напитками и производство пива; к тому же эти последние, чьи действия уже кажутся такими навязчивыми и досадными, занимаются только налогооблагаемыми количествами, а не обменными качествами [214]. Нужно, чтобы эти налоговые контролеры и аудиторы изучали все детали, чтобы пресечь и предотвратить мошенничество; а что за мошенничество? У законодателя не будет вовсе или будет плохое определение: именно здесь задача становится пугающей.

Нет мошенничества при продаже вина самого высокого качества, но есть мошенничество при передаче качества одного товара другому: поэтому вы обязаны различать качества вин и, следовательно, гарантировать их. — Есть ли мошенничество в том, чтобы делать смеси? Шаптал в своем трактате об искусстве изготовления вина советует их как чрезвычайно полезные; с другой стороны, опыт доказывает, что некоторые вина недружелюбные, образно говоря, по отношению друг к другу или несовместимые, производят посредством смешения неприятный и вредный для здоровья напиток. И вот вы уже обязаны сказать, какие вина полезно смешивать, а какие нет. Является ли мошенничеством ароматизация, алкоголизация, вымачивание вин?

Шаптал рекомендует и это; но все знают, что эта аптека иногда дает полезные результаты, иногда губительные и отвратительные эффекты. Какие вещества вы собираетесь запретить? в каких случаях? в какой пропорции? Будете ли вы защищать цикорий в кофе, глюкозу в пиве, воду, сидр, пропорцию три-шесть в вине?

Палата депутатов в своем эссе, информирующем о законе, который ей вздумалось выдвинуть в этом году на тему фальсификации вин, остановилась в самой середине своей работы, будучи побежденной неразрешимыми трудностями вопроса. Она (палата депутатов) вполне могла бы заявить, что введение воды в вино и алкоголя свыше пропорции 18 % было бы мошенничеством, а затем поместить это мошенничество в категорию преступлений. Она находилась на почве идеологии: здесь не бывает загромождений (препятствий). Но все усмотрели в этом удвоении суровости интерес налогоплательщика гораздо больший, нежели интерес потребителя; но палата не осмелилась создать — чтобы отслеживать и констатировать мошенничество — целую армию дегустаторов, контролеров и т. д., и нагрузить бюджет несколькими новыми миллионами; но, запретив вымачивание и алкоголизацию — единственное средство для торговцев-производителей сделать вино доступным для всех и получить прибыль, она не смогла расширить сбыт, сократив налоги на производство. Одним словом, Палата, продолжая фальсификацию вин, лишь отодвинула границы мошенничества. Чтобы ее работа достигла цели, нужно было заранее сказать, как торговля вином возможна без фальсификаций, как люди могут покупать нефальсифицированное вино: то, что вытекает из компетенции и происходит из функций Палаты.

Если вы хотите гарантировать потребителю как стоимость, так и здоровье, вы должны знать и определять все, что составляет хорошее и честное производство, следить постоянно за

руками производителя, следовать за каждым его шагом. Это не он производитель; это вы, государство, настоящий производитель.

То есть вы попали в ловушку. Или вы препятствуете свободной торговле, погружаясь в производство тысячами способов; или вы объявляете себя единственным производителем и единственным продавцом.

В первом случае, досаждая всем, вы в конечном итоге возмутите всех; и рано или поздно государство будет исключено, торговые марки будут отменены. Во-втором вы повсеместно заменяете индивидуальную инициативу действиями власти, что противоречит принципам политической экономии и основанию общества. Вы изберете середину? это фаворитизм, кумовство, лицемерие, худшая из систем.

Теперь предположим, что марка оставлена на попечение производителя. Я говорю, что тогда марки, даже если их сделать обязательными, постепенно утратят свое значение и станут лишь доказательством происхождения (товара). Нужно плохо разбираться в торговле, чтобы представить себе, что предприниматель, глава мануфактуры, использующий процессы, не представленные патентом, предаст секрет своего производства, своих доходов, своего существования. Следовательно, значение (марки) будет ложным: и не во власти полиции сделать иначе. Римские императоры, чтобы обнаружить христиан, которые скрывали свою религию, заставляли всех поклоняться идолам. Они производили отступников и мучеников; а число христиан только увеличилось. Аналогичным образом значимые марки, полезные для некоторых фирм, вызовут бесчисленные мошенничества и репрессии: это все, чего можно ожидать. Для того, чтобы производитель достоверно указывал внутренний состав, то есть промышленную и коммерческую стоимость своего товара, необходимо устранить опасность конкуренции и удовлетворить его монопольные инстинкты: вы можете это обеспечить? Также необходимо заинтересовать потребителя пресечением мошенничества; что до тех пор, пока производитель не будет полностью бескорыстен, невозможно и противоречиво. Невозможно: поместите с одной стороны порочного потребителя Китай; с другой — дебетанта (получателя) Англию; между этими двумя — ядовитый наркотик, приносящий экзальтацию и опьянение; и, невзирая на все полиции мира, вы получите торговлю опиумом. — Противоречие: в обществе потребитель и производитель едины, то есть оба заинтересованы в том, чтобы производить то, потребление чего для них губительно; и, поскольку каждое потребление следует за производством и продажей, все согласятся защитить первый интерес, за исключением того, чтобы предупредить о втором.

Мысль, которая предложила товарные знаки, относится к той же, что и та, которая ранее диктовала законы максимума. Здесь снова один из бесчисленных перекрестков политической экономии.

Общеизвестно, что законы максимума, разработанные и очень хорошо мотивированные их авторами в целях устранения дефицита, имели неизменно в качестве результата усугубление дефицита. Кроме того, не является ли несправедливость или недоброжелательность, в которой экономисты их обвиняют, эти отвратительные законы, их неуклюжесть, хамство. Но какое противоречие в теории, которой они оппонировать!

Чтобы восполнить дефицит, необходимо воззвать к средствам существования, или, точнее, заставить их появиться однажды; до тех пор нечего повторять. Для того, чтобы производились средства к существованию, необходимо привлекать владельцев прибылью, возбуждать их конкуренцию и обеспечивать им полную свободу на рынке: не кажется ли этот процесс самой абсурдной гомеопатией? Как постичь, что чем легче смогут выкупить меня, тем скорее я буду обеспечен? Оставьте, как есть, говорят, пусть все происходит, оставьте действовать конкуренции и монополии, особенно в периоды дефицита и даже когда дефицит является следствием конкуренции и монополии. Какая логика! Но, главное, какая мораль!

Но почему бы нам тогда не сделать тариф для фермеров, как он существует для пекарей? Почему нет контроля за севом, жатвой, сбором винограда, фуражом и скотом, как существует штамп [215] для газет, циркуляры и ордера, как регулирование для пивоваров и виноторговцев? В системе монополии это, соглашусь, было бы большим мучением; но с нашими тенденциями к недобросовестной торговле и стремлением власти постоянно увеличивать свой штат и бюджет, закон о надзоре за сбором урожая становится с каждым днем все более необходимым.

К тому же было бы сложно сказать, что именно — свободная торговля или законы максимума — приносит наибольшее количество вреда во времена дефицита. Но какую бы вечеринку вы ни выбрали, и вы не можете миновать альтернативу, разочарование неизбежно, и катастрофа огромна. С максимумом припасы прячутся; террор растёт под действием самого закона, цена пропитания растёт, растёт; движение вскоре останавливается, и за этим следует катастрофа, быстрая и беспощадная, как набег (грабеж) [216]. С конкуренцией ход бедствия более медленный, но не менее губительный: какое дело истощенным или умершим от голода до того, что последующий подъем обеспечил пропитание! До того, что другие выкупили! Это история того царя, которому Бог в наказание за его гордость предложил альтернативу: три дня чумы, три месяца голода или три года войны. Давид выбирает самое короткое: экономисты предпочитают самое долгое. Человек настолько жалкий, что предпочтет лучше умереть от чахотки, чем от апоплексии: ему кажется, что он не столько умирает. Вот причина, заставившая так преувеличивать минусы максимума и выгоды свободной торговли.

Кроме того, если Франция в течение двадцати пяти лет не ощущала общего дефицита, причина заключается не в свободе торговли, которая очень хорошо умеет, когда она этого хочет, производить полноту пустоты и в изобилии заставить царствовать голод: это связано с улучшением путей сообщения (доставки), которые, сокращая расстояния, вскоре возвращают равновесие в момент, вызванный локальной нехваткой. Яркий пример печальной истины о том, что в социуме всеобщее благо никогда не является следствием сговора определенных желаний!

Чем больше мы углубляем эту систему иллюзорных сделок между монополией и обществом, то есть, как мы объяснили в § 1 этой главы, между капиталом и трудом, между патрициатом и пролетариатом: тем больше мы обнаруживаем, что все спланировано, отрегулировано, выполнено в соответствии с этим адским принципом, которого не знали Гоббс и Макиавелли, эти теоретики деспотизма: ВСЕ ЧЕРЕЗ НАРОД И ПРОТИВ НАРОДА. В то время, как труд производит, капитал под маской ложного плодородия пользуется и злоупотребляет:

законодатель, предлагая свое посредничество, хотел напомнить привилегированному человеку о братских чувствах и окружить рабочего гарантиями; а теперь из-за фатального противоречия интересов он обнаруживает, что каждая из этих гарантий является инструментом пыток. Потребуется сто томов, жизнь десяти человек и железные легкие, чтобы с этой точки зрения рассказать о преступлениях государства против бедняка и о бесконечном разнообразии пыток. Достаточно краткого взгляда на основные категории полиции, чтобы мы могли оценить их дух и экономию.

После того, как под воздействием хаоса гражданских, коммерческих, административных законов разум был приведен в смятение, сделавшее еще более смутным представление о справедливости, увеличивая противоречия, и сделав необходимым объяснить эту систему целой кастой толкователей, нужно было организовать пресечение преступлений и предусмотреть их наказание. Уголовное правосудие, этот порядок, столь богатый в большой непродуктивной семье всего непродуктивного, чьи расходы на содержание ежегодно превышают 30 миллионов во Франции, стало для общества принципом существования, необходимым настолько же, насколько хлеб в жизни человека; но с той разницей, что человек живет благодаря продукту своих рук, а общество пожирает своих членов и питается собственной плотью.

По мнению некоторых экономистов насчитывается:

В Лондоне ... 1 преступник на 89 жителей.

В Ливерпуле ... 1 на 45

В Ньюкастле ... 1 на 27

Но этим цифрам не хватает точности, и, самое страшное, что полиция не отражает реальной степени социального извращения. Необходимо определить не только количество виновных, но и количество преступлений. Работа уголовных судов является лишь особым механизмом, который служит для освещения морального разрушения человечества при режиме монополии; но эта официальная демонстрация далека от того, чтобы охватить зло во всех его проявлениях. Вот другие цифры, которые могут привести нас к более определенному пониманию.

Парижские исправительные суды рассмотрели:

В 1835 ... 106,467 случаев.

В 1836 ... 128,489

В 1837 ... 140,247

Предположив, что процесс продолжался до 1846 г., и к этому общему количеству исправительных дел добавляются дела судов присяжных, простой полиции и всех преступлений, не известных или оставшихся безнаказанными, преступлений, количество которых намного превышает, по мнению чиновников, число тех, которых настигает правосудие, можно прийти к тому выводу, что в городе Париже больше нарушений закона, чем жителей. И поскольку из числа предполагаемых исполнителей этих преступлений необходимо вычесть детей в возрасте 7 лет и младше, которые находятся за пределами обвинения, следует учитывать, что каждый взрослый гражданин по три или четыре раза в

году оказывается виновным с точки зрения установленного порядка.

Таким образом, система собственности поддерживает себя в Париже лишь ежегодным потреблением одного или двух миллионов преступлений! Значит, даже если все эти преступления совершит один человек, все равно останется аргумент: этот человек будет козлом отпущения, ответственным за грехи Израиля: какое значение имеет количество преступников, если правосудие условно?

Насилие, лжесвидетельство, воровство, мошенничество, презрение к людям и обществу происходят из существа монополии; они вытекают из него таким естественным образом, с такой совершенной регулярностью и по таким надежным законам, что можно было подвергнуть их совершение подсчету, и, учитывая численность населения, состояние его промышленности и просвещения, и вывести из них статистику морали. Экономисты еще не знают, что такое принцип стоимости; но они знают, с точностью до десятичного знака, соразмерность преступления. Так много тысяч душ, так много преступников, так много приговоров: это не обманывает. Это одно из лучших исполнений подсчета вероятностей и самая передовая отрасль экономики. Если бы социализм изобрел эту обвинительную теорию, все бы кричали о клевете.

Что там такого, кроме всего, что должно нас удивить? Как нищета является обязательным результатом противоречий общества, результатом, который можно математически определить в соответствии с процентной ставкой, размером заработной платы и коммерческими ценами; таким же образом, преступления и проступки являются еще одним следствием этого же антагонизма, способным, как и его причина, быть определенным с помощью расчетов. Материалисты сделали самые глупые выводы из этого подчинения свободы законам чисел: как будто человек не находится под влиянием всего, что его окружает, и что управляется неизбежными законами, и что он не должен, в своих самых свободных проявлениях, испытывать удары этих законов!

Тот же самый характер необходимости, который мы только что отметили при установлении и загрузке уголовного правосудия, встречается, но в более метафизическом аспекте, в его морали.

По мнению всех моралистов, наказание должно быть таким, чтобы оно предусматривало исправление виновного и, следовательно, чтобы оно было далеко от всего, что могло бы привести к его деградации. Далеко от идеи борьбы с этим счастливым устремлением разумов и от дискредитации опытов, которые сделали бы славу величайшим представителям античности. Филантропия, несмотря на всю нелепость, которую иногда придают ее имени, останется в глазах потомства самой почетной чертой нашего времени: отмена смертной казни только откладывается; то же касается торговой марки; исследования тюремного режима, создания цехов в тюрьмах, множество других реформ, которые я даже не могу назвать, свидетельствуют о реальном прогрессе в наших идеях и в наших обычаях. То, что автор христианства в порыве возвышенной любви рассказывал о своем мистическом царстве, где раскаявшийся грешник должен быть прославлен выше всего невинного, эта утопия христианского милосердия стала желанием нашего недоверчивого общества; и когда кто-то мыслит о единстве чувств, которое царит в этом отношении, он спрашивает себя с удивлением, кто же препятствует исполнению этого

желания?

Увы! причина в том, что разум все же сильнее любви, а логика более цепкая, чем преступление; потому что здесь, как и везде, царит неразрешимое противоречие в нашей цивилизации. Давайте не заблудимся в фантастических мирах; давайте примем реальность в ее ужасной наготе.

Преступление — это позор, а не эшафот,

говорит пословица. Только тем, что человек наказан, при условии, что он заслужил наказание, он унижается: наказание позорит его не по определению кодекса, а по причине вины, которая мотивировала наказание. Какое значение, следовательно, имеет материальность мучений? какое значение имеют все ваши пенитенциарные системы? Что вы делаете с ним, так это удовлетворяете вашу чувствительность, но вы бессильны реабилитировать несчастного, которого поразило ваше правосудие. Обвиненный, однажды обезображенный наказанием, неспособен к примирению; его изъян неизгладим, и его проклятие вечно. Если бы это было иначе, приговор прекратил бы быть соразмерным преступлению; это была бы только фикция, это не было бы ничем. Тот, кого страдания привели к краже, если он позволил правосудию настичь себя, навсегда остается врагом Бога и людей; лучше бы ему не приходиться в мир: как сказал Иисус Христос, *Bonum erat ei, si natus non fuisset homo ille* (Было бы лучше, если бы никогда не родился). И то, что произнес Христос, христиане и неверующие, не ошибочно: непоправимость стыда — это единственное из всех откровений Евангелия, что услышал мир собственности. Таким образом, отделенному от природы монополией, отрезанному от человечества нищетой, матерью преступлений и наказаний, какое убежище останется для плебея, которого труд не может накормить, и кто недостаточно силен, чтобы отнять?

Для ведения этой наступательной и оборонительной войны против пролетариата общественная сила была необходима: исполнительная власть исходила из потребностей гражданского законодательства, администрации и правосудия. И снова лучшие надежды превратились в горькие разочарования.

Подобно законодателю, бургомистру и судье, князь выдавал себя за представителя божественной власти. Защитник бедных, вдов и сирот, он обещал заставить свободу и равенство воцариться вокруг престола, прийти на помощь труду и прислушаться к гласу народа. И народ с любовью бросился в объятия власти; но когда опыт заставил его почувствовать, что власть против него, то вместо того, чтобы атаковать институт (власти), он принялся обвинять князя, не желая понимать, что князь, будучи по своей природе и предназначению главой всех непродуктивных и самым крупным из монополистов, не мог принять сторону народа.

Любая критика формы или действий правительства приводит к этому существенному противоречию. И когда так называемые теоретики суверенитета народа утверждают, что средство защиты от тирании власти состоит в том, чтобы заставить ее исходить из одобрения народа, они только крутятся, как белка в колесе. Поскольку, как только конституционные условия власти, то есть авторитет, собственность, иерархия, оказываются налицо, одобрение народа становится не чем иным, как согласием народа на угнетение: это

самое отвратительное шарлатанство.

В системе права, независимо от его происхождения, монархического или демократического, власть является благородным органом общества; именно ее посредством оно живет и движется; все инициативы исходят от нее; весь порядок, все совершенство — ее произведение. Согласно определениям экономической науки, определениям, соответствующим реальному положению вещей, напротив, власть — это серия непродуктивности, которую организованное общество должно постоянно стремиться сокращать. Как же тогда, с принципом власти, столь дорогим для демократов, желание политической экономии, желание, которое является также желанием народа, может реализоваться? Как правительство, которое в этой гипотезе является всем, станет послушным слугой, подчиненным органом? Каким образом князь мог бы получить власть для того, чтобы ее ослабить, и работал бы, в видах порядка, на собственное устранение? Как он может не заниматься укреплением себя, увеличением своего персонала, постоянным получением новых субсидий и, наконец, освобождением себя от зависимости от народа, роковым пределом любой власти, вышедшей из народа?

Говорят, что народ, назначая своих законодателей и передавая через них свою волю власти, всегда сможет остановить ее вторжения; таким образом, народ будет исполнять одновременно как роль князя, так и роль суверена. Вот в двух словах утопия демократов, вечная мистификация, которой они обманывают пролетариат.

Но будет ли народ создавать законы против власти; против принципа авторитета и иерархии, который является принципом самого общества; против свободы и собственности? В гипотезе, в которой мы находимся, это более чем невозможно, это противоречиво. Значит, собственность, монополия, конкуренция, промышленные привилегии, неравенство состояний, преобладание капитала, иерархическая и подавляющая централизация, административное угнетение, правовой произвол, будут сохранены; и поскольку невозможно, чтобы правительство не действовало в соответствии с его принципом, капитал останется таким же, как ранее, богом общества, а народ, всегда эксплуатируемый, всегда деградирующий, в ходе испытания его (правительства) суверенитета продемонстрирует лишь собственное бессилие.

Напрасно приверженцы власти, все эти доктринальные династико-республиканцы [217], которые отличаются друг от друга только тактикой, льстят себе утверждением в привнесении повсюду реформ. Что реформировать?

Реформировать конституцию? — Это невозможно. Когда нация массово вступала в Конституционную ассамблею, она выходила оттуда только после голосования за другую форму своего рабства или за ее роспуск.

Переделать кодекс, произведение императора, суть римского права и обычая? — Это невозможно. Что вы поставите на место своей рутины собственности, за пределами которой вы ничего не видите и не слышите? На место ваших монопольных законов, из круга которых бессильно выбраться ваше воображение? Вот уже более полувека, как королевская власть и демократия, эти две сивиллы [218], завещанные нам древним миром, заставили посредством конституционной сделки достичь соглашения между своими оракулами; с тех

пор, как мудрость князя объединилась с голосом народа, какое откровение произошло? какой принцип порядка был открыт? Какой выход из лабиринта привилегий отмечен? До того, как князь и народ подписали этот странный компромисс, чем их идеи не походили друг на друга? И с тех пор, как каждый из них пытается нарушить договор, чем они отличаются друг от друга?

Снизить государственные расходы, распределить налоги на более справедливой основе? — Это невозможно: в налогах, как и в армии, человек из народа всегда будет обеспечивать больше, чем его контингент [219].

Регулировать монополию, обуздать конкуренцию? — Это невозможно; вы убили бы производство.

Открывать новые рынки сбыта? — Это невозможно [220]. Организовать кредит? — Это невозможно [221].

Атаковать наследование? — Это невозможно [222].

Создать национальные цеха, обеспечить, при отсутствии работы, минимум для рабочих; назначить им долю в прибыли? — Это невозможно. В характере правительства заниматься трудом лишь для того, чтобы связать рабочих, так же, как оно занимается произведенными продуктами (изделиями) только для того, чтобы повысить свою десятину.

Исправить, с помощью системы компенсации, пагубные последствия машин? — Это невозможно.

Бороться с помощью регулирования с оупляющим влиянием разделения труда? — Это невозможно.

Заставить народ пользоваться преимуществами образования? — Это невозможно.

Установить тариф на товары и заработную плату и зафиксировать с помощью авторитета государства стоимость вещей? — Это невозможно, это невозможно.

Из всех реформ, которых добивается терпящее бедствие общество, ни одна не входит в компетенцию власти; ни одна не может быть реализована ею, потому что сущность силы претит ей, и потому что человеку не дано объединить то, что Бог разделил. По крайней мере, скажут сторонники правительственной инициативы, вы поймете, что для осуществления революции, обещанной развитием антиномий, власть будет вспомогательной мощностью. Зачем тогда выступать против реформы, которая, передав власть в руки народа, так хорошо поддержала бы ваши взгляды? Социальная реформа является целью; политическая реформа — инструмент: почему, если вы хотите достичь цели, вы отталкиваете средства?

Таково сегодня рассуждение всей демократической прессы, которую я от всей души благодарю за то, что, наконец, посредством профессии квазисоциалистической веры она сама провозгласила небытие своих теорий. Поэтому во имя науки демократия требует

политических реформ в качестве предварительного шага к социальной реформе. Но наука протестует против этой уловки, оскорбительной для нее; наука отказывается от любого альянса с политикой, и несмотря на то, что ожидает от нее минимальной помощи, именно посредством политики она должна начать работу своих исключений.

Как мало общего у человеческого разума с истиной! Когда я смотрю на демократию, то вижу, что социалист прошлого постоянно требовал капитал для того, чтобы бороться с влиянием капитала; богатство, чтобы предотвратить нищету; ограничение свободы, чтобы организовать свободу; реформу правительства, чтобы реформировать общество: когда я вижу, говорю я, как она берется руководить обществом, при условии, что социальные вопросы устранены или решены: мне кажется, я слышу гадалку, которая, прежде чем отвечать на запросы ее клиентов, начинает интересоваться их возрастом, их состоянием, их семьей, всеми происшествиями их жизни. Эй! несчастная ведьма, если ты знаешь будущее, ты знаешь, кто я, и чего я хочу; почему ты меня спрашиваешь?

Поэтому я отвечу демократам: Если вы знаете, как нужно использовать власть, и если вы знаете, как должна быть организована власть, вы владеете экономической наукой. Значит, если вы владеете экономической наукой, если у вас есть ключ к ее противоречиям, если у вас есть средство организации труда, если вы изучили законы обмена, вам не нужен ни капитал нации, ни общественная сила. С этого дня вы более могущественны, чем деньги, сильнее, чем власть. Так как, поскольку рабочие с вами, вы являетесь тем самым единственными хозяевами производства; вы сдерживаете торговлю, промышленность и сельское хозяйство; вы распоряжаетесь общественным капиталом; вы — налоговые арбитры; вы блокируете власть и попираете ногами монополию. Какую еще инициативу, какой большой авторитет вы требуете? Кто мешает вам применять ваши теории?

Конечно, это не политическая экономия, хотя ее обычно придерживаются и уполномочивают: поскольку все в политической экономии обладает своей истинной и ложной стороной, проблема сводится для вас к тому, чтобы комбинировать экономические элементы таким образом, чтобы их целое больше не представляло противоречия.

Это также не гражданский закон: поскольку этот закон, санкционирующий экономическую рутину только из-за ее преимуществ, невзирая на ее недостатки, стремится, как и сама политическая экономия, к подчинению всем требованиям точного синтеза, и, следовательно, нет ничего более выгодного для вас.

Наконец, это не власть, которая, будучи последним проявлением антагонизма и созданная только для защиты закона, могла помешать вам, только отрекаясь от себя самой.

Кто же, еще раз, вас останавливает?

Если вы владеете общественной наукой, вы знаете, что проблема ассоциации заключается в организации не только *непродуктивных* (тех, кто не производит): с этой стороны, слава небесам, уже мало что можно сделать; но и *производителей*, и, посредством этой организации, покорить капитал и подчинить власть. Такова война, которую вы должны поддержать: война труда против капитала; война свободы против власти; война производителя против непродуктивного; война равенства против привилегий. То, что вы

требуется, чтобы успешно закончить войну, — это именно то, с чем вы должны бороться. Однако, чтобы бороться с властью и ограничивать ее, чтобы поставить ее в подобающее для нее место в обществе, бессмысленно менять хранителей власти и вносить некоторые изменения в ее маневры: необходимо найти такое сочетание сельского хозяйства и промышленности, с помощью которого власть, которая сегодня доминирует в обществе, станет его рабом. У вас есть секрет этого сочетания?

Но что я говорю? вот в точности то, с чем вы не согласитесь. Поскольку вы не можете представить общество без иерархии, вы сделали себя апостолами власти; поклонниками власти, вы думаете только об укреплении власти и об обуздании свободы; ваша любимое изречение — о том, что нужно обеспечивать благо народа, невзирая на народ; вместо того, чтобы приступить к социальной реформе путем уничтожения власти и политики, вам нужно воссоздать власть и политику. Итак, посредством ряда противоречий, которые доказывают вашу добросовестность, но из которых, как это хорошо знают истинные друзья власти, аристократы и монархисты, ваши конкуренты, получается иллюзия, вы обещаете нам через силу экономию в расходах, справедливое распределение налогов, охрану труда, бесплатное образование, всеобщее избирательное право и все антипатические утопии власти и собственности. И власть в ваших руках всегда приводила к упадку: и вот почему вы никогда не могли ее удержать, вот почему 18 брюмера [223] хватило четырех человек, чтобы отнять ее у вас, и сегодня буржуазия, которая любит власть, как вы, и хочет сильной власти, не вернет ее вам.

Таким образом, власть, инструмент коллективного могущества, созданный в обществе чтобы служить посредником между трудом и привилегиями, неизбежно оказывается прикованной к капиталу и направленной против пролетариата. Никакая политическая реформа не может разрешить это противоречие, поскольку, по признанию самих политиков, подобная реформа приведет лишь к большей энергии и расширению власти и что, если не свергнуть иерархию и не распустить общество, власть не сможет прикоснуться к прерогативам монополии. Таким образом, проблема для трудящихся классов состоит не в том, чтобы завоевать, а в том, чтобы победить одновременно как власть, так и монополию, то есть заставить появиться из недр народа, из глубин труда большую власть, более мощный факт, который охватывает капитал и государство и подчиняет их. Любое предложение реформы, которое не соответствует этому условию, является просто еще одним поветрием, надзорным жезлом, *virgam vigilantem* (наблюдением за работниками), как сказал пророк, угрожающим пролетариату.

Венцом этой системы является религия. Мне нет нужды заниматься здесь философской ценностью религиозных убеждений, рассказывать их историю, искать их толкование. Я ограничусь рассмотрением экономического происхождения религии, тайной связи, которая воссоединяет ее с полицией, места, которое она занимает в ряду социальных проявлений.

Человек, отчаявшись найти баланс своих возможностей, так сказать, вырывается из себя и ищет в бесконечности эту суверенную гармонию, осознание которой является для него высшей степенью разума, силы и счастья. Не имея возможности с ним согласиться, он преклоняет колени перед Богом и молится. Он молится, и его молитва, гимн Богу, является богохульством против общества.

Это от Бога, говорит человеку самому себе, авторитет и власть приходят ко мне: поэтому давайте повиноваться Богу и князю. *Obedite Deo et principibus* (Повинуйтесь Богу и вождям). — Это от Бога ко мне приходят закон и право, *Per me reges regnant, et potentes decernunt justitiam* (Мною правят короли, а князья объявляют справедливость): давайте уважать то, что сказали законодатель и магистрат. Это Бог делает процветающим труд, поднимает и опрокидывает судьбы: да исполнится его воля! *Dominus dedit, Dominus abstulit, sit nomen Domini benedictum* (Бог дал, Бог взял, да будет имя Господа благословенно). Это Бог наказывает меня, когда нищета поглощает меня, когда я терплю преследования за справедливость: давайте с уважением принимать беды, которые Его милосердие использует, чтобы очистить нас; *Humiliamini igitur sub potenti manu Dei* (Смиритесь под могучей рукой Божьей). Эта жизнь, которую дал мне Бог, является лишь испытанием, которое ведет меня к спасению: избежим удовольствия; возлюбим, разыщем страдание; получим радость от покаяния. Грусть, которая исходит от несправедливости, является милостью свыше; блаженны плачущие! *Beati qui lugent!... Hæc est enim gratia, si quis sustinet tristitias, patiens injuste* (Блаженны скорбящие!... Блаженны те, кто поддерживают скорбящих, терпящих несправедливость).

Прошло столетие с тех пор, как один миссионер, проповедовавший перед аудиторией, состоявшей из финансистов и больших господ, воздал должное этой одиозной морали. «Что я могу сделать? — Возопил он в слезах. — Я опечален бедными, лучшими друзьями моего Бога! Я проповедовал суровость покаяния перед несчастными, которым не хватало хлеба! Но именно здесь, где мои взоры падают только на сильных и богатых, на угнетателей страдающего человечества, я должен разразиться словом Божьим во всей его громовой силе...»

Признаем, однако, что теория смирения служила обществу, предотвращая мятеж. Религия, освящая божественным правом неприкосновенность власти и привилегий, дала человечеству силу продолжать свой путь и исчерпать свои противоречия. Без этой повязки на глазах людей общество распалось бы тысячу раз. Кто-то должен был пострадать, чтобы оно исцелилось; и религия, утешитель страждущих, решила заставить страдать бедных. Именно это страдание привело нас туда, где мы находимся; цивилизация, которая обязана всем своим чудесам рабочему, обязана еще своим будущим и своим существованием его добровольной жертве. *Oblatus est quia ipse voluit, et livore ejus sanati sumus* (Избит, потому что хотел этого, и его ранами мы исцелились).

О, рабочий народ! Народ обеднённый, обиженный, осужденный! народ, который заключают в тюрьму, осуждают и убивают! Народ поруганный, клейменый! Разве не знаешь ты, что есть предел, даже терпению, даже преданности? Не перестанешь ли ты преклонять слух к этим ораторам мистики, которые говорят тебе, что нужно молиться и ждать, проповедуя спасение иногда религией, иногда властью, и чьи страстные и звучные слова пленяют тебя? Твоя судьба — загадка, которую не могут разрешить ни физическая сила, ни душевное мужество, ни вспышки энтузиазма, ни возвышение каких-либо чувств. Те, кто говорят тебе обратное, обманывают тебя, и все их речи ведут к тому, чтобы отложить час твоего освобождения, готового прозвучать. Что такое энтузиазм и чувство, что такое поэзия, борющаяся с необходимостью? Чтобы преодолеть необходимость, нужна только сама необходимость, последний довод природы, чистая сущность материи и духа.

Таким образом, противоречие стоимости, порожденное необходимостью свободной воли, должно было быть преодолено пропорциональностью стоимости, еще одной необходимостью, вызванной союзом между свободой и разумом. Но для того, чтобы эта победа разумного и свободного труда принесла все свои последствия, обществу необходимо было пройти долгие перипетии мытарств.

Следовательно, возникла необходимость, чтобы труд для увеличения своего могущества разделился; и по факту этого разделения — необходимость деградации и обнищания для рабочего. Было необходимо, чтобы это изначальное разделение превратилось в инструменты и сложные комбинации; и необходимость в том, чтобы посредством этой перестройки подчиненный рабочий терял вкуче с законной зарплатой до тех пор, пока не будет занята кормящая его промышленность.

Была необходимость, чтобы конкуренция вызволила готовую к гибели свободу; и необходимость, чтобы это избавление привело к массовой ликвидации рабочих мест.

Была необходимость, чтобы производитель, облагороженный своим искусством, как раньше воин оружием, высоко держал свое знамя, чтобы смелость человека почиталась в труде, как на войне; и необходимость, чтобы из привилегий немедленно возродился пролетариат.

Была необходимость, чтобы общество взяло под свою защиту плебея побежденного, нищего и бесприютного; и необходимость, чтобы эта защита превратилась в новую серию пыток.

На нашем пути мы встретим еще другие необходимости, которые все исчезнут, как и первые, перед более важными необходимостями вплоть до момента, когда, наконец, придет общее уравнение, высшая необходимость, торжествующий факт, который должен установить господство труда навсегда.

Но это решение не может произойти от взмаха руки или напрасной сделки. Так же невозможно объединить труд и капитал, как и производить без труда и без капитала; — так же невозможно создать равенство посредством власти, как подавить власть и равенство и создать общество без народа и без полиции.

Необходимо, я повторяю, чтобы НЕПРЕОДОЛИМАЯ СИЛА поменяла текущие формулы общества; пусть это будет ТРУД людей, а не их доблесть или их голоса, который посредством сочетания искусного, законного, бессмертного и неотвратимого сочетания подчинит капитал людям и передаст им его власть.

Версия #1

Зверобой создал 14 марта 2025 03:09:10

Зверобой обновил 14 марта 2025 03:11:41